

В. М. Аллахвердов

Роль сознания в когнитивной деятельности человека //

В. М. Аллахвердов. Размышление о науке психологии
с восклицательным знаком. СПб.: Формат, 2009. С. 165–178.

Статья написана для сборника «Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook. V.2 (Ed. by Zinchenko & Petrenko). M. Russian Psychological Society. 2009» на английском языке. И снова инициатором был Виктор Петренко. С докладом на эту тему в 2009 г. я выступил в Осло на Европейском психологическом конгрессе.

Постановка проблемы

Сознание — самое ценное достояние человека. Тем не менее никто не знает, ни что такое сознание, ни как оно возникло, ни что делает. Философы признают, что «проблема сознания в настоящее время воспринимается представителями всех традиционно связанных с изучением этого феномена научных дисциплин как одна из самых сложных и весьма далеких от разрешения»¹. Даже неясно,

165

как подступиться к проблеме «квалия», к проблеме возникновения субъективного переживания. Она всегда мучила психологов. Д. Чалмерс в конце прошлого века² объявляет ее самой сложной проблемой в психологии. Эта фраза Чалмерса повторяется многими и сегодня. Чувствуя свое бессилие, ученые иногда признают сознание свойством, изначально присущим любой материи. При этом, правда, понимают, что неизвестно, как это свойство обнаружить, поскольку нельзя определить, чем именно является это свойство³. Справедливо сказал М. К. Мамардашвили⁴: «Сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего».

Последние десятилетия мощь когнитивного бессознательного демонстрируется в огромном количестве красивых экспериментов. В итоге все согласны: бессознательные процессы обладают существенно

¹ Мамчур Е. А. Образы науки в современной культуре. М., 2008. С. 31.

² Chalmers D. J. The conscious mind. In search of a fundamental theory. N. Y. 1996.

³ См.: Velmans M. The Co-Evolution Of Matter And Consciousness // Synthesis Philosophica. 2007. V. 22. No. 44, fasc. 2. P. 273–282.

⁴ Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М., 1996. С. 215.

большими ресурсами и большей вычислительной способностью, чем сознание⁵. Неосознаваемое принятие решений об осуществлении действия зачастую происходит намного раньше, чем возникает сознательное намерение осуществить это действие⁶. Человек неосознанно воспринимает, хранит и перерабатывает гораздо больше информации, чем способен осознать, он неосознанно существенно быстрее находит закономерности в окружающей среде, без контроля сознания гораздо лучше регулирует силу и точность своих действий. Мы не осознаем причину собственных мыслей. Бессознательные процессы управляют даже большей частью нашего социального поведения — от восприятия и интерпретации социального мира до межличностного взаимодействия и достижения целей⁷.

Зачем нужно осознавать наши когниции, если они возникают и развиваются неосознанно? Можно выделить несколько вариантов ответа. Первый: осознание полезно (способствует выживанию, адекватному отражению реальности и пр.). Так часто и пишут в учебниках: мол, сознание спасает от информационных перегрузок, сокращая информационные потоки и отсекая ненужную информацию; избирательно хранит информацию; планирует поведение, предоставляя огромный потенциал для гибких реакций на изменяющиеся требования жизни. Все подобные описания в лучшем случае создают лишь иллюзию понимания. Для того, чтобы отсечь ненужную информацию, ее надо принять, переработать, а уже потом отсечь. Как это уменьшает информационную нагрузку? Предположение о том, что можно *осознанно* решить, какую информацию из всего этого потока не следует осознавать, противоречит логике: как можно осознанно что-нибудь не осознавать? Следовательно, сбор информации должен вначале происходить на неосознаваемом

166

⁵ *Bargh J. A., Morsella E.* The unconscious mind // *Perspectives on Psychological Science*, 3. 2008. P. 73–79.

⁶ *Libet B.* Can Conscious Experience Affect Brain Activity // *Journal of Consciousness Studies*. 2003. V. 10. No. 12. P. 24–28; *Libet B.* Reflections on the interaction of the mind and brain // *Progress in Neurobiology*. 2006. V. 78. P. 322–326.

⁷ *Bargh J. A., Williams E. L.* The automaticity of social life // *Current Directions in Psychological Science*, 15. 2006. P. 1–4.

уровне. Осознанное планирование на основе ограниченной информации не может быть лучше, чем планирование на основе всей поступившей. Странно выглядит и предположение, что сознание со своим весьма ограниченным информационным ресурсом позволяет более гибко, чем неосознанное, реагировать на ситуацию. В целом этот ответ ведет в тупик, потому что все приписываемое сознанию делается вначале неосознанно, а потому никак не отвечает на вопрос, зачем результат этой работы понадобилось осознавать.

Попытки придать работе сознания какой-либо постигаемый смысл встречаются, но не выглядят убедительными. Вот одна из самых интересных. Baars, Ramamurthy и Franklin⁸ утверждают, что человеческое познание осуществляется за счет множества относительно небольших, направленных на решение самостоятельных задач «процессоров», причем почти всегда бессознательных. Эти «процессоры» обладают ограниченным ресурсом и взаимодействуют между собой довольно редко, но могут объединяться в «коалиции». Все они соревнуются друг с другом за возможность попасть в Глобальную Рабочую область (а субъективно — в сознание). Эта Глобальная Рабочая область, сама имеющая ограниченные возможности, служит для того, чтобы «разослать сообщения» от «победившей коалиции» всем остальным бессознательным процессам и тем самым объединить ресурсы для достижения цели. Функция сознания — делать так, чтобы различные бессознательные источники знания («процессоры») могли бы взаимодействовать между собой для решения новых задач. Предложенная конструкция любопытна, хотя и полностью спекулятивна. Почему, например, этот механизм называется сознанием? В данном объяснении, однако, лишь постулируется, что работа описанного механизма сопровождается чувством осознанности, а самой осознанности не придается никакого смысла. Она лишь зачем-то присутствует при работе этого механизма. Такой подход приближает нас к другому ответу на вопрос о природе сознания.

⁸ Baars B. J.; Ramamurthy U, Franklin S. How deliberate, spontaneous, and unwanted memories emerge in a computational model of consciousness // John H. Mace (ed.), *Involuntary Memory. New Perspectives in Cognitive Psychology*. Blackwell Publishing. 2007. P. 177–208.

Этот ответ еще более странен, чем первый. Осознание, мол, совершенно бесполезно. Оно не выполняет никакой функции, только сопровождает какие-то процессы. Психологическая литература просто насыщена обсуждениями, является ли сознание эпифеноменом или нет⁹. Возникают даже предложения вообще отказаться от идеи изучения сознания. Мол, наши мысли и чувства целиком состоят из физиологической активности мозга и не являются ничем иным, а наше «Я» — это просто иллюзия. В достославные времена Дж. Уотсона это еще можно было оправдать позитивистским климатом эпохи. Но сегодня, на мой взгляд, такая позиция напоминает поведение страуса: столкнувшись с проблемой, спрятать голову в песок и делать вид, что

167

проблемы не существует. Взгляд на сознание как на эпифеномен противоречит методологическому принципу простоты, на котором зиждется наука. Природа не создает ничего понапрасну или, как говорил И. Ньютон, «не роскошествует излишествами».

Иногда у психотерапевтов встречается намек на еще один ответ о функции сознания (правда, обычно явно не выражаемый): оно вредно. Оно, мол, подгоняет реальность под свои представления и тем самым ведет к искажениям: включается информация, которая *не* относится к данной ситуации, или исключается информация, которая к ней *относится* и т. п. Действительно, многие психологи в остроумных экспериментах показывают: мы видим только то, что понимаем, мир в нашем восприятии искажается *до узнаваемости*, из памяти вытесняется то, что *не соответствует* нашим ожиданиям, и т. д. Остается неясным, правда, почему при этом осознание, по мнению тех же самых психотерапевтов, способствует исцелению. Да и взгляд на сознание как на помеху тоже противоречит принципу простоты: природа не создает монстров с исключительной целью нечто испортить.

Неутешительный итог: проблема сознания, поставленная еще в древние времена, остро переживаемая в эпоху Просвещения, стала сегодня — в результате многочисленных экспериментальных

⁹ См.: *Dulany D. E. How Well Are We Moving Toward a Most Productive Science of Consciousness? (Commentary on the Toward a Science of Consciousness Conference, Tucson 2008) // Journal of Consciousness Studies. 2008. V. 15. № 12. P. 75–98.*

исследований — лишь более загадочной. Обнаруженная мощь когнитивного бессознательного поставила под сомнение все ранее существовавшие представления о роли сознания. Чем больше просматриваешь современных работ, посвященных исследованиям сознания, тем острее чувствуется недоумение авторов — что бы они ни пытались приписать сознанию в качестве функции, выясняется, что сознание и для этого тоже не нужно. Значит, необходим поиск еще неизведанного пути.

Сознание — это специфический механизм нашего разума, предназначенный для осуществления пока не известной задачи, которую только предстоит найти. Перед началом поиска попробуем обобщить то, что нам известно о работе разума (mind) и сознания и описать некоторые общие законы их работы¹⁰.

Законы работы разума

Еще Лейбниц сформулировал «великое начало разумности»: ничто не совершается без причины или достаточного основания. Д. Юм приписал исключительно человеческой природе способность находить причины любым событиям. Из такой позиции Юма можно вывести проверяемый в опыте закон: даже случайные события не воспринимаются

168

разумом как беспричинные, он всегда находит им причины. Наблюдения за поведением маленьких детей показывают, что они всему находят причинные объяснения «во что бы то ни стало» (термин Ж. Пиаже). И у примитивных народов все связано со всем, весь их духовный мир — это гигантские вариации на темы причинности (термин А. Юбера и М. Мосса). Справедливость этого закона убедительно подтверждают и разнообразные экспериментальные данные, полученные за последнее столетие (достаточно упомянуть исследования по каузальной атрибуции и по вероятностному прогнозированию). Люди, не всегда это осознавая, реагируют на случайные явления так, как будто они не случайны. Вот, например, эффект привязки, обнаруженный Д. Канеманом и А.

¹⁰ Более полное описание этих законов см.: *Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психологика)*. СПб., 2000.

Тверски¹¹. Испытуемым задавали вопрос: какова доля африканских стран в ООН (в процентах). Одной группе испытуемых давалось для сравнения число 65%, в случайности которого они были убеждены (оно «случайно» выпадало на рулетке). Другой группе аналогичным образом предлагалось число 10%. Оказалось, что эти вроде бы случайные числа влияют на ответы испытуемых: средние значения ответов в первой группе были значительно выше, чем во второй. Но это значит, в частности, что даже числа, порожденные рулеткой, все-таки воспринимаются не случайными, а как-то связанными с задаваемыми вопросами.

Если в мире действительно ничто не совершается без причины, то благодаря этому закону поиск причин существенно облегчается. Вот пример моего давнего исследования. Одна группа испытуемых должна была найти правило, позволяющее продолжить последовательность двоичных знаков сколь угодно далеко. Этой инструкцией создавалась установка на детерминированность: в предъявленной последовательности не может быть ни одного случайно появившегося знака. Другая группа должна была найти максимальную по числу знаков группу, повторенную без изменений в разных местах последовательности не менее трех раз. Это задание допускает наличие случайных знаков («шума»), на которые при решении задачи можно не обращать внимание. Испытуемым обеих групп предъявлялась одна и та же последовательность: трижды подряд повторенный набор из 14 знаков. Точное выполнение инструкции в обеих группах должно было привести к одинаковому решению: к выделению последовательности в 14 знаков. Такое решение дает возможность продолжить последовательность и при этом одновременно является группой из максимального числа знаков, повторенных трижды подряд. За отведенные 5 минут в группе с установкой на детерминированность задачу решили 81% испытуемых, в другой группе — только 11%. Этот пример показывает, что знание о детерминированности способствует эффективному действию в строго детерминированной

¹¹ *Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // Science. 1974. V. 185. № 4157. P. 1124–1131.*

среде. Такое знание не мешает осознавать случайность, но побуждает трактовать ее как результат воздействия еще неизвестных причин, а потому не затрудняет процесс познания и не в полностью детерминированной среде. Разумеется, гипотезы о конкретных причинах того или иного явления могут быть неверными. Поэтому разум (*mind*) их должен сверять с опытом и корректировать.

Описание детерминированного мира не может быть противоречивым. Поэтому обсуждаемый закон можно выразить и как стремление к согласованию, непротиворечивости имеющихся когний. Такое свойство человеческой природы также отмечали многие философы и психологи. Иногда оно формулируется как «потребность человека жить в рациональном мире»¹². Человек, столкнувшись с противоречивой информацией, сразу начинает с ней работать и пытается так ее переосмыслить, чтобы избавиться от противоречия. Иногда он обесценивает информацию, усиливая противоречие до нереального гротеска. Исследования показывают, как именно человек вносит искажения в информацию, чтобы снять или ослабить противоречие. (Психологи используют разные термины, обозначающие подобные явления: рационализация, сглаживание когнитивного диссонанса и пр.) Если человеку это не удастся, то он иногда вообще вытесняет эту информацию из сознания.

Человек реагирует на возникающие противоречия даже без осознания того, что противоречие существует. Рассмотрим эффект привязки. Люди смещают свои ответы в сторону навязанного числа по сравнению с нормальными ответами, даваемыми контрольной группой. Иначе говоря, испытуемые, не отдавая себе в этом отчета, вступают в противоречие со своим собственным мнением, которое бы они, наверное, высказали в отсутствии навязанного числа. Наши исследования показывают, что они реагируют на это противоречие, причем весьма своеобразно — они его усиливают. В. Л. Волохонский и Е. А. Вишнякова ретестируют влияние эффекта привязки через три недели и обнаруживают, что испытуемые значительно чаще демонстрируют больший сдвиг своих ответов в сторону привязки, чем в

¹² *Poducka B.* Understanding psychology and dimensions of adjustment. N. Y. 1980. P. 409.

противоположную сторону¹³. Причем в случае сдвига в сторону привязки выше оценивают уверенность в правильности своего ответа. Испытуемые, усиливая противоречие, как бы обесценивают его, демонстрируя, что их предшествующий сдвиг от нормального ответа был правильным, но недостаточным.

Вот пример исследования из области восприятия иллюзий. В. Ю. Карпинская показала, что одно лишь *иллюзорное* изменение величины стимула (в иллюзиях Эббингауза, Понзо, Шарпантье и др.) изменяет и порог его обнаружения¹⁴. Это значит, в частности,

170

при рассмотрении зрительных иллюзий как бы изменяется острота зрения наблюдателя. Такой результат можно объяснить тем, что зрительная система адекватно отражает размеры всех изображений, в том числе и иллюзорных, но осознается не реальная, а иллюзорная величина. Если это так, то иллюзорное восприятие размеров в сознании вступает в противоречие с реальной оценкой размеров, даваемой зрительной системой. Как реагируют испытуемые на это не осознаваемое ими противоречие? А. Г. Причисленко предъявляла испытуемым карточки, на которых были изображения зрительных иллюзий (иллюзия звезды, иллюзия Мюллера-Лайера и др.) с задачей оценить в миллиметрах размеры линий или расстояния между предметами. При повторном испытании через неделю величина иллюзии (иллюзорное искажение размеров) уменьшается. Но при этом в сравнении с оценками неиллюзорных изображений происходит *существенное ухудшение точности всех глазомерных оценок*. Испытуемые как бы демонстрируют сами себе, будто они при встрече именно с иллюзорными изображениями со столь низкой точностью

¹³ Волохонский В. Л., Вишнякова Е. А. Эффект привязки и когнитивный диссонанс // Аллахвердов В. М. и др. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006. С. 229–241.

¹⁴ Карпинская В. Ю. Принятие решения об осознании стимула как этап процесса обнаружения // Аллахвердов В. М. и др. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006. С. 87–99.

оценивают размеры, что их предшествующая ошибка находится в зоне погрешности, а потому не существенна¹⁵.

Итак, разум живет в строго детерминированном мире и всему приписывает причины, строит систему согласованных знаний о мире. Он сглаживает возникающие противоречия или обесценивает их. Причем делает все это и многое другое, не осознавая собственных действий. В формулировке Д. Юма, эти действия не могут быть ни порождены, ни подавлены рассуждением. Сознание, зарождающееся в недрах разума, тоже подчиняется этим законам. Попробуем вычленить специфические законы сознания. Но вначале отметим: осознанность — это единственное, что феноменологически переживается как явление сознания. Лишь наличие этого переживания дает нам право эмпирически проверять соотнесение теоретических конструктов с сознанием.

Известна классическая метафора У. Джеймса о непрерывном потоке сознания. Это значит: содержание сознания непрерывно изменяется, человек не способен осознавать одно и то же без каких-либо изменений. Впрочем, еще Гете сформулировал закон постоянной смены впечатлений. А вот как об этом же писал Г. Спенсер: «Когда перемена в сознании прекращается — прекращается и сознание... Перемены образуют сырой материал сознания»¹⁶. Отсюда следует: неизменная стимуляция должна или вообще ускользнуть из сознания, или трансформироваться. Примеров этому не счесть. Например, предъявленный для запоминания набор знаков быстро забывается, не сохраняясь в актуальном сознании. Не осознается и общий неизменный контекст ситуации. Так, вряд ли человек, читающий

171

этот текст, одновременно осознает свое имя или название местности, где это происходит.

Попробуем понять причину подобных явлений. Любые стимулы требуют объяснения причин их появления. Сознание такое объяснение обязательно находит, независимо от того, верно оно или неверно. Если

¹⁵ Причисленко А. Г. Сглаживание когнитивного диссонанса при иллюзорном восприятии // Сборник статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ. 2009 (в печати).

¹⁶ Цит. по: Бехтерев В. М. Сознание и его границы // Избр. тр. Т. 1. СПб., 1999

стимулы далее не меняются, то сознание прекращает работу с ними, ибо более нечего объяснять. Как следствие, стимулы перестают осознаваться. Если такое рассуждение верно, то отсюда вытекает гипотеза, подлежащая экспериментальной проверке: сознание дольше работает с редкими и неожиданными стимулами, чем с частыми и более ожидаемыми. Ведь для того, чтобы объяснить появление неожиданных сигналов, сознание должно тратить на работу с ними больше времени, а потому они должны дольше удерживаться в сознании.

Действительно, известно, что появление совершенно неожиданных сигналов оказывает на субъектов своеобразное воздействие — в той или иной мере они приходят в состояние замешательства, возникают затруднения в выполнении текущей деятельности. При этом реакция на редкие сигналы медленнее, чем на частые (закон Хика), неожиданный стимул (эффект фон Ресторфф) дольше удерживается в памяти, т. е. дольше осознается и т. д. Если стимулы предъявляются испытуемым в последовательности, построенной по некоему не осознаваемому ими правилу, то в этом случае наблюдается имплицитное научение — испытуемый все быстрее и быстрее обрабатывает в сознании стимулы.

Если человек осознает только часть предъявленной информации (в случае больших массивов или неоднозначности информации), то при повторном предъявлении он обычно повторно осознает ту же самую часть информации. Гештальт-психологи называли подобное явление законом последствия фигуры. В общем виде речь идет о том, что однажды принятое решение нечто осознать (позитивный выбор) имеет тенденцию к последствию. Этот эффект проявляется и в исследованиях памяти. При предъявлении ряда знаков, превышающих объем памяти, испытуемый часть знаков воспроизводит, а часть — нет. При повторном предъявлении того же самого ряда он прежде всего воспроизведет знаки, которые ранее уже воспроизводил. Но, как выяснилось в наших исследованиях, верно и иное утверждение. Если человек осознает только часть предъявленной информации, то при последующем предъявлении ранее неосознанной информации он имеет тенденцию повторно ее не осознавать. Это поразительно, ведь для того, чтобы повторно нечто не осознавать, надо помнить, какие именно знаки не следует осознавать, опознать эти знаки в предъявленном материале

и после этого принять решение о их неосознании.

172

Реакции разума на правильные и неправильные решения

В огромном количестве исследований было показано, что время принятия правильных решений простых когнитивных задач (опознания, счета, категоризации и пр.) обычно существенно меньше времени принятия ошибочных решений даже при одинаковой степени субъективной уверенности в правильности ответа. В целом уверенные ответы обычно быстрее неуверенных, но, на что не слишком обращалось внимание, уверенные правильные ответы быстрее уверенных неправильных, неуверенные правильные ответы быстрее неуверенных ошибочных. Таким образом, испытуемый способен различать свои правильные и неправильные действия, даже если субъективно не способен оценить, действовал он правильно или неправильно. Да и в нейрофизиологических исследованиях у испытуемых регистрируется реакция на ошибку, даже если они эту ошибку не осознают¹⁷. По нашим данным, правда, из этого правила есть два исключения, не отменяющих сделанного вывода: повторные одинаковые ошибочные решения быстрее редких правильных¹⁸; при переходе испытуемого к стратегии отвечать наугад неуверенные ошибочные решения вполне могут оказаться самыми быстрыми.

Эта способность различать правильные и неправильные ответы особенно поражает, когда испытуемый решает задачи, которые, как представляется, он вообще сознательно решить не может. Любопытный результат получает Н. Куделькина¹⁹. Испытуемые решают анаграммы. Перед решением задачи (за 500 мс до появления анаграммы) испытуемому на 25 мс предъявлялся прайм (с последующей маской, время предъявления маски — 50 мс.). Содержание прайма — либо отгадка анаграммы («правильный», или валидный, прайм), либо другое слово («ложный», или невалидный, прайм). Среднее время решения

¹⁷ См.: *Бехтерева Н. П.* Магия творчества и психофизиология: факты, соображения, гипотезы. СПб., 2006.

¹⁸ Замечу, кстати, что вероятность повторить собственную ошибку, как правило, намного выше, чем вероятность вообще совершить ошибку.

¹⁹ *Куделькина Н. С.* Восприятие многозначной информации как предмет психологического исследования // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 12. Вып. 3. С. 262–271.

анаграмм при предъявлении правильных праймов оказалось существенно меньше, чем при предъявлении ложных праймов. Обычно это интерпретируется так: не осознаваемый испытуемым прайм дает подсказку; если подсказка правильная, происходит ускорение решения задачи, если неправильная — замедление. Но Куделькина идет дальше. Первой группе испытуемых она сначала дает серию из 20 анаграмм с правильным праймом, затем — серию из 20 анаграмм с ложным. Для второй группы последовательность серий была противоположной. Время решения анаграмм, сопровождающихся правильными праймами,

173

в первой группе достоверно меньше, чем во второй. Таким образом, после 20 ложных праймов у испытуемого как бы формируется недоверие к любым праймам. Это значит, что каким-то образом они способны оценить правильность подсказки, хотя не замечают саму подсказку и, разумеется, не способны осознать, что эта подсказка ему помогала или мешала.

Возникает вопрос: если человек способен различать правильные и неправильные ответы при решении простых когнитивных задач, то почему он вообще делает ошибки?

Эпистемологическая проблема

Прежде чем искать ответ, сформулируем вначале более общую проблему, успевшую измучить многих философов (Локк и др.): как разум способен сопоставлять свои представления с реальностью, если реальность дана разуму только в виде собственных представлений? Ведь нельзя сличать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет. Некоторые авторы уверяют, что проблема в принципе не разрешима. Но тогда следует отказаться от разговоров о точности восприятия, правильности воспоминаний, истинности мотивов, эффективности действий, адекватности самооценки и пр. и тем самым отказаться от самой психологии. Нет сомнения, что люди умеют решать эту проблему. Приведенные данные подтверждают, что разум действительно ее решает, не осознавая при этом, как он это делает. Однако такому умению надо еще дать логическое обоснование. Без логического

решения эпистемологической проблемы никакая теория разума и сознания в принципе невозможна.

Современные попытки решения этой проблемы восходят к И. Канту. Суть идеи: представления, данные разуму, не могут непосредственно сопоставляться с реальностью, но могут — с другими представлениями разума. Если на основе разных не зависящих друг от друга способов познания (т. е. на основе разной информации, разных правил переработки информации и т. д.) будут созданы сходные представления, то есть надежда (хотя никогда не может быть полной уверенности), что это сходство определено не способом познания, а познаваемой реальностью. Современные философы так и говорят: следует проверять знания, сопоставляя их со знаниями, полученными иными способами. Конкретизация независимых способов познания может быть разной. Кант говорил о двух независимых стволах человеческого познания: чувственности и рассудке. В XX в. физиологи и психологи предлагают в качестве независимых способов познания сенсорные системы, каждая из которых

174

по-своему отражает реальность. На мой взгляд, следует признать независимость сенсорного и моторного познания. Тогда сопоставление сенсорных и моторных представлений о реальности выступает как способ взаимной проверки этих представлений, поскольку совпадение представлений будет характеризовать не столько работу сенсорных и моторных систем познания, сколько то, что реально окружает человека. (Сходную мысль, но в более мягкой форме выражают и физиологи: «Процессы сенсомоторной координации могут составлять ткань психических процессов»²⁰.) Во многих современных моделях говорится о существовании самостоятельных независимых «процессоров», решающих стоящие перед разумом задачи (не всегда, правда, обращая внимание на необходимость существования процессов, которые параллельно решают одни и те же задачи). Собственные представления о реальности сопоставляются и в процессе социального

²⁰ Куликов Г. А. Психофизиологическая проблема // Физиология сенсорных систем и высшей нервной деятельности. Т. 2 / Под ред. Я. А. Альтмана, Г. А. Куликова, В. О. Самойлова. М., 2009. с. 212.

взаимодействия: люди строят свои независимые представления о реальности и отчасти способны корректировать друг друга. Главное — речь идет о конструировании независимых друг от друга разных описаний реальности, которые могут сопоставляться между собой.

У такого подхода к решению эпистемологической проблемы есть одна принципиальная трудность. Допустим, сенсорные представления об окружающем сопоставляются с моторными представлениями об этом же самом окружающем. Однако сличение не может происходить непосредственно в сенсорной или моторной сфере — в противном случае сам результат сличения станет зависимым от них. Тем не менее исходные познавательные структуры должны получать обратную связь о результатах своей деятельности. Проблема разрешается, если допустить, во-первых, существование дополнительного блока, производящего сличение (при нашем допущении — сенсомоторного), во-вторых, что из этого нового блока в исходные познавательные структуры поступает лишь качественный сигнал о совпадении/несовпадении представлений. (В противном случае опять утрачивается независимость проверки.)

Возможно, именно функцию этого качественного сигнала выполняет эмоциональный сигнал. Вспомним давние данные, полученные в школе О. К. Тихомирова, что при решении шахматной задачи состояние эмоциональной активации, выявляемое сдвигом кожно-гальванической реакции, на несколько секунд предвосхищает название решающего хода²¹. Сам Тихомиров предполагал, что у человека возникает чувство близости решения. Но как испытуемый может узнать, что вот-вот найдет правильный ход, если этот ход еще ни в какой форме не существует? Можно предположить, что последовательность процесса решения задачи иная: испытуемый вначале находит

175

решение, но не осознает его. Если найденное решение одним способом соответствует решению задачи, выполненному другим способом, то возникает эмоциональный сигнал, сообщающий о том, что решение

²¹ Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.

найденно, и лишь затем наступает осознание самого найденного решения.

Такой взгляд отчасти подтверждается в исследованиях нашей группы. М. Г. Филиппова предъявляла испытуемым в левой части экрана обычные и двойственные изображения²². Испытуемый вначале отмечал, к какому классу или классам относится предъявленное изображение (человек, птица, насекомое и пр.). Этот ответ позволял установить, какое из значений двойственного изображения видит испытуемый. Затем в правой части экрана предъявлялись различные задания (решение анаграмм, опознание рисунков по фрагментам и т. д.) как связанных с предъявленным изображением, так и не связанных с ним, нейтральных. В левой части экрана продолжался показ исходного изображения. Но если испытуемый в двойственном изображении замечал только одно значение, то изображение постепенно изменялось в сторону другого изображения. Испытуемый должен был, как только заметит изменения в изображении, сразу указать, что он теперь видит. Этот момент принимался за осознание ранее неосознанного значения.

Один результат был очевиден. Время решения задач, связанных с осознанным значением одновременно предъявленного двойственного изображения, было существенно меньше, чем при одновременном предъявлении нейтральных изображений. И чем ассоциативная связь сильнее, тем решение задач было быстрее. Вторым результатом был нами ожидаем: неосознанное значение двойственного изображения мешает решению связанных с ним когнитивных задач, эти задачи решаются медленнее. И чем ассоциативная связь сильнее, тем решение задач было медленнее. Но главное и самое неожиданное: в тех случаях, когда испытуемые осознавали второе ранее не замеченное ими значение двойственного изображения, *все задачи* — и связанные с обоими значениями изображения, и вообще не связанные с предъявленным изображением — решались значимо быстрее.

Согласно сделанному выше предположению, осознание любого решения предваряет сигнал «решение найдено». По-видимому, этот сигнал не является специфичным для конкретной задачи. Его появление

²² Филиппова М. Г. Исследование неосознаваемого восприятия (на материале многозначных изображений) // Аллахвердов В. М. и др. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006. С. 165–186.

ведет к тому, что все одновременно решаемые задачи (а в жизни человек всегда параллельно решает много задач) оцениваются как решенные и человек быстрее осознает какие-то явления, происходящие в неосознаваемой сфере. Возможно, именно поэтому осознание проблем в психотерапевтическом сеансе способствует исцелению, так как параллельно с этим осознанием решаются и другие задачи.

176

Сознание как имитатор познавательной деятельности

Мы предположили, что человек как познающая система получает эмоциональные сигналы, говорящие об успешности (или неуспешности) его познавательной деятельности. Эти сигналы выступают для всей системы в качестве критериев эффективности процесса познания. А любая система с заданными критериями эффективности настраивается на их достижение. Как только в социальных системах формулируются критерии эффективности деятельности, так реальная цель сразу подменяется целью искусственной, определяемой этими критериями.

Может быть, и человек как познающая система начинает стремиться уже не к поиску истины, а к получению субъективно переживаемых положительных эмоциональных сигналов и избеганию отрицательных? Не в этом ли состоит функция сознания? Если это так, то сознание можно трактовать как специальный механизм, осуществляющий такое воздействие на когнитивные процессы, чтобы достигать положительных субъективных переживаний. Сознание, иными словами, лишь имитирует успешную познавательную деятельность, а не познает.

Искусственная подмена подлинного познавательного процесса его имитацией редко приводит к сильным переживаниям. Слабый (но весьма дифференцированный) эмоциональный фон, который удается при этом достичь, можно назвать осознанностью. Одна из задач сознания — обеспечить непрерывное существование этого фона («поток сознания»). Сама деятельность сознания при этом, разумеется, не осознается, осознается лишь результат — осознанные переживания. Ибо не может осознаваться процесс, приводящий к осознанию.

Появление такого механизма, конечно, может увести человека достаточно далеко от реальности и даже открывает путь к

сумасшествию. И совсем уж не удивительно, что сознанию человека свойственно ошибаться. Но в подавляющем большинстве случаев механизм сознания открывает новые способы познания реальности, революционным образом изменяя сам процесс познания. Сознание ведет себя как ученый, строящий догадки о мире и проверяющий их в опыте. Оно так же, как и ученый, упрощает действительный мир и далеко не точно его отражает. Сознание регулирует деятельность, но прежде всего как деятельность по проверке и подтверждению гипотез. Оно рассматривает этот мир как детерминированный и всему — даже случайным явлениям — приписывает причины, хотя может лишь догадываться о реальных причинах, господствующих в мире. Ученый строит теории для идеализированных, т. е. реально не существующих, объектов. Сознание строит

177

идеализированные конструкты — понятия, которых тоже нет в реальной жизни. И всячески защищает построенные в разных структурах когниции от их опровержения. И делает это сознание весьма грациозно, обладая возможностью вмешиваться в процесс сличения и отождествлять нетождественное и различать неразличимое.

Конечно, мир, построенный сознанием, не в полной мере адекватен реальности, но он и не оторван от нее, иначе не удавалось бы достигать длительных положительных эмоциональных состояний. Ученые именно благодаря своему сознанию догадываются о недоступных наблюдению свойствах макро- и микромира. Ведь именно благодаря сознанию мы способны рассуждать о никак не представленных в непосредственном физиологическом отражении процессах зарождения Вселенной и даже можем искать законы, управляющие неосознанным.

Предложенный взгляд на роль сознания в когнитивной деятельности человека еще весьма спекулятивен, при таком подходе многое остается не до конца проясненным. Тем не менее представляется, что он обладает хорошим эвристическим потенциалом и подлежит экспериментальной проверке.

178